

История одного преступления и ее уроки, позволяющие уточнить содержание гражданско-правового принципа неприкосновенности собственности*

Автор на примере фавулы конкретного уголовного дела, рассмотренного одним из судов Краснодарского края, размышляет о необходимой свободе и независимости собственника, которая должна быть обеспечена действующим гражданско-правовым регулированием отношений принадлежности материальных благ. В статье доказывается, что важным элементом в понимании принципа неприкосновенности собственности является запрет на вмешательство государства в осуществление правомочий собственника, в том числе посредством принятых за пределами компетенции и некачественных с точки зрения законодательной техники региональных законодательных актов.

The author, on the example of the story of a particular criminal case, considered by one of the courts of the Krasnodar Region, reflects on the necessary freedom and independence of the owner, which should be provided by the current civil law regulation of the relations of material goods. The article proves that an important element in understanding the principle of inviolability of property is the prohibition of state intervention in the exercise of the owner's powers, including through regional legislative acts adopted outside the competence and inadequate in terms of legislative technique.

Ключевые слова: законность, гражданское право, преступление, охрана окружающей среды, предметы ведения Российской Федерации и образующих ее субъектов, принципы гражданского права, неприкосновенность собственности.

Keywords: legality, civil law, crime, environmental protection, subjects of the Russian Federation and its constituent entities, principles of civil law, inviolability of property.

Весной 2017 года приговором (134/17) Лазаревского районного суда города Сочи гражданин К. был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного п. «г» ч. 2 ст. 260 УК РФ с назначением наказания в виде лишения свободы на срок 1 год и 6 месяцев. Суд установил, что подсудимый действительно совершил незаконную рубку деревьев, не отнесенных к лесным насаждениям, и, руководствуясь ч. 1 ст. 2 Федерального закона от 10.01.2002 г. «Об охране окружающей среды» и ч. 1 ст. 1 Закона Краснодарского края № 2695-КЗ от 23.04.2013 г. «Об охране зеленых насаждений в Краснодарском крае», признал его виновным в совершении соответствующего экологического преступления. Казалось бы, обычный приговор из сотен и тысяч, да еще и оставленный без изменения апелляционным постановлением от 7 июня 2017 г. Краснодарским краевым судом. Что может быть в его содержании такого, что заинтересовало представителей науки гражданского права? А связь с гражданским правом в данном случае оказалась очевидна, поскольку гражданин нарушил ограничение права собственности, установленные законом субъекта Российской Федерации. И за действия по осуществлению прав собственника на основании экологического законодательства РФ и законодательства Краснодарского края был признан преступником. Чтобы разобраться во всех обстоятельствах этого необычного уголовного дела, раскроем его фавулу.

Итак, жил гражданин К. спокойно и семейно в городе Рязани, воспитывал двоих детей. Но в 2013 году он совершил, как оказалось впоследствии, очень значимый для всей последующей жизни юридический акт, а именно: гражданско-правовую сделку по покупке земельного участка в п. Лазаревское г. Сочи Краснодарского края. Право собственности на землю ему перешло в порядке правопреемства от пожилой женщины. До своей смерти она была вынуждена с помощью соседей подпирать стены своего дома, что вполне понятно, ведь денег у пенсионерки на новое строительство не было. Вместо установки забора она сажала деревья. Так, на участке с кадастровым номером 23:49:0109003:73 зазеленились эриоботрия и три глицинии. Эриоботрия, в быту прозванная мушмулой, представляет собой листовое вечнозеленое растение. Глициния же считается листовым листопадным растением. Администрация города Сочи постановлением № 1039 от 05.06.2014 г. внесла, как оказалось, виды растений, посаженных старушкой, в отдельный перечень древесных пород, требующих особой охраны.

Напомню читателю, что гражданин К. купил свой участок для индивидуального жилищного строительства, вот почему в 2016 году он все же решил начать стройку, а стройка, как известно, всегда начинается с постановки забора. И вот этому самому главному для субъекта права частной собственности на земельный участок, предоставленный для

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-011-00621.

индивидуального жилищного строительства, делу помешали четыре растения, произрастающие по линии его границ. Забор возводить оказалось очень сложно без их вырубки. И вот тут-то процесс строительства был поставлен под пристальный контроль «растениелюбивых» соседей. Они, конечно, помнили, как старушка на подпорках все их высаживала. Вот и решили соседи, что гражданин К. пусть сам не вечно (ведь смертен же), но всю отведенную ему судьбою жизнь, обязан провести рядом с тем, что перешло ему в виде зеленых насаждений от правопреемницы. Соседи рьяно взялись за охрану глицинии и эриоботрии. Сначала самого гражданина К. предупредили, - не руби, - а то «козленочком», ну, в смысле «козлом отпущения» станешь. А впоследствии и в полицию заявление написали, а также в суде в качестве свидетелей выступили.

Процесс строительства забора собственником в приговоре суда был описан подробнейшим образом. Оказывается, сначала у него сформировался умысел, «направленный на осуществление незаконной рубки, а равно повреждения до степени прекращения роста зеленых насаждений, произрастающих на его участке». А 5 апреля 2016 года в период времени с 12.00 до 16.00 «неустановленное лицо, находясь на территории земельного участка, принадлежащего К., и по договоренности с ним, произвело механическое воздействие неустановленным предметом на зеленое насаждение». В общем, срубили глицинию и мушмулу под самый корешок. По оставшимся пням на основании заявления соседей компетентный орган (Управление по охране окружающей среды и лесопарковому хозяйству администрации города Сочи) рассчитало и ущерб от произведенной рубки. Он составил по строгим расчетам 125 180 рублей. По нормам уголовного законодательства такая сумма свидетельствовала о том, что незаконная рубка была совершена в крупном размере.

Суд удалился в совещательную комнату, возвратился и объявил приговор, последствия которого стали неожиданными, но очевидными для гражданина К. И не столь важно, что наказание было назначено условно с испытательным сроком в 1 год. Гражданин К. уже не мог в соответствии с вынесенным приговором без соответствующего уведомления менять место жительства. Он был обязан ежемесячно являться на регистрацию в уголовно-исправительную инспекцию. И это понятно, раз преступник, ты должен испытывать на себе воздействие примененной судом «кары». Но преступником был объявлен человек, срубивший дерево на участке, принадлежащем ему на праве частной собственности и предоставленном под индивидуальное жилищное строительство. И возникает очень важный правовой вопрос: а было ли совершено, в самом деле, преступление? Можно ли считать строительные работы на земельном участке, предоставленном для ИЖС, в том числе сопровождающиеся рубкой деревьев, противоправным деянием, подлежащим уголовному наказанию? А,

самое главное: мог ли орган законодательной власти субъекта Российской Федерации ограничить собственника в его важнейших собственнических правах? Попробуем разобраться последовательно во всех возникающих из описанного дела вопросах, находящихся, можно сказать, на стыке законодательства гражданского, уголовного и даже конституционного.

Итак, гражданин К. был признан виновным в совершении экологического преступления. Таким образом, сфера отношений, субъектом нарушения которых он был признан, является охрана окружающей среды. Не случайно и закон в приговоре назван базовый для развития этих отношений - ФЗ «Об охране окружающей среды». Задачей для законодательства об охране окружающей среды является охрана воспроизводство и рациональное использование природных ресурсов. В данной области должна быть обеспечена экологическая безопасность. Если причиняется вред окружающей среде, то он должен быть обязательно возмещен. На граждан законодательство в сфере экологии возлагает обязанность сохранять природу, обеспечивать безопасную окружающую среду, а для этого всякий и каждый должен бережно относиться к природным богатствам и соблюдать императивные нормы действующего законодательства. Конечной же целью как деятельности в сфере охраны окружающей среды, так и экологического законодательства является соблюдение такого фундаментального права человека, как право на благоприятную окружающую среду. Согласно Конституции РФ, законодательство в сфере охраны окружающей среды находится в совместном ведении РФ и ее субъектов (ст. 72). Не случайно и в Краснодарском крае 23 апреля 2013 г. был принят Закон № 2695-КЗ «Об охране зеленых насаждений в Краснодарском крае», действующий в редакции от 04.04.2016 г.¹ Закон Краснодарского края обязал собственников, арендаторов земельных участков, землепользователей и землевладельцев надлежащим образом содержать и защищать находящиеся на земельных участках зеленые насаждения. Ст. 3 цитируемого закона Краснодарского края запрещает повреждение и уничтожение зеленых насаждений. При планировании хозяйственной или иной деятельности на территории Краснодарского края хозяйствующие субъекты должны в обязательном порядке предусматривать мероприятия по сохранению зеленых насаждений. А если возникает вопрос вырубке или уничтожения зеленых насаждений, то в обязательном порядке соответствующий субъект хозяйственной деятельности обязан получить порубочный билет и внести плату за проведение компенсационного озеленения. Кстати, это очень разумное и необходимое требование. Кроме того, в ч. 2 ст. 1 Закона «Об охране зеленых насаждений в Краснодарском крае» были установлены очень важные изъятия (исключения) из общеустановленного правила. Так, из сферы природоохранных отношений были исключены

¹ <http://www.kubzsk.ru/kodeksdb/noframe/law?d&nd=462504681&prevDoc=462512834> (дата обращения: 28.03.2018 г.).

субъекты, земельные участки которым были предоставлены для индивидуального жилищного строительства, ведения личного подсобного хозяйства, садоводства, огородничества и тому подобных целей. И здесь нельзя упрекнуть законодателя края в отсутствии логики и неправильности подходов. Ведь, по сути, собственники земельных участков, выделенных под вполне конкретные цели должны быть свободны в осуществлении своих полномочий. А если есть к тому необходимость, пределы осуществления права собственности на земельный участок должны устанавливаться уже гражданским законодательством Российской Федерации. Однако, как говорится, «и на старуху бывает проруха». И это касается п. 3 ст. 1 вышеуказанного закона Краснодарского края. В его тексте оказалось совсем «неожиданное» с точки зрения определенности правового регулирования слово «может». В результате собственник земельных участков, предоставленных для индивидуального жилищного строительства, садоводства, огородничества, в общем, все те лица, исключение для которых были сделаны в п. 1, оказались включены в сферу действия регионального закона, но с «загадочной» приставкой «может». При этом в законе не уточняется, при каких условиях и в каком порядке данное законодательство будет распространяться, в частности, на граждан, которым земельные участки предоставлены для индивидуального жилищного строительства. Ну, вот так фактически сложилась у регионального законодателя не совсем качественная норма с точки зрения юридической техники. Как известно важнейшим требованием юридической техники является конкретность. Конкретность же предполагает, что правило поведения должно быть четко выражено и способно однозначно регулировать определенную сферу общественных отношений². Что касается ст. 1 Закона Краснодарского края «Об охране зеленых насаждений в Краснодарском крае», то в ч. 2 законодатель исключил земельные участки, предоставленные для индивидуального жилищного строительства из сферы своего действия, а в п. 3 сказал о том, что может на них распространяться. В отсутствие специально оговоренных в самой норме условий и порядка распространения на регулируемые общественные отношения, этот пункт с нашей точки зрения не может применяться на практике, ибо однозначно не соответствует требованию конкретности (определенности) правового регулирования. И это вывод первый, имеющий существенное значение для анализируемого нами случая.

Нельзя не обратить внимание и на проблему разграничения предметов ведения между Российской Федерацией и образующими ее субъектами в тех сферах отношений, которые оказались затронутыми в описанном в начале статьи примере. Что это за отношения по своей сути? Для меня, очевидно, что они являются гражданско-правовыми, поскольку речь идет об осуществлении такого важнейшего вещного

права, как право собственности. С этих позиций данные отношения в соответствии с п. «о» ст. 71 Конституции РФ составляют предмет исключительного ведения Российской Федерации. Однако внимательное изучение конституционных норм привело меня к выводу о наличии некоторого противоречия, допущенного в их содержании. Так, в пп. «в» ст. 72 Конституции РФ вопросы владения, пользования и распоряжения землей включены в совместное ведение Российской Федерации и ее субъектов, тогда как ч. 3 ст. 36 Конституции страны прямо указывает, что условия и порядок пользования землей должны определяться на основе федерального закона. Вот и получается, что пользование землей одновременно оказалось и в исключительном, и в совместном ведении России и ее субъектов. Профессор С. А. Авакян в своих работах подчеркивает³, что помимо общих конституционных норм, таких как ст. 71, 72 в Конституции РФ содержатся и иные статьи, также указывающие на необходимый уровень законодательного регулирования. Получается своеобразное сочетание общего и специального подходов. Однако С. А. Авакян не уточняет, что делать, если в общем и специальном подходах есть противоречия. Думается, что этот вопрос должен быть разрешен в рамках науки конституционного права. С позиций же цивилистического исследования могу утверждать, что если речь идет об отношениях гражданско-правовых, то предмет ведения, согласно Конституции России (п. «о» ст. 71), является однозначно федеральным. Следовательно, правила для гражданина К., как для собственника осуществляющего правомочия пользования земельным участком в связи с проживанием на нем индивидуальным жилищным строительством, не могли быть урегулированы законом Краснодарского края. Это второй, как представляется, сущностный вывод, который необходимо иметь в виду.

Гражданин К. был привлечен к уголовной ответственности по ст. 260 УК РФ за нарушение правил охраны зеленых насаждений, установленных законом Краснодарского края. Насколько это возможно с позиций законодательства уголовного? Здесь подчеркну, что наиважнейшим принципом уголовного законодательства, является принцип законности. Законность здесь понимается вполне конкретно, а именно: и преступность (противоправность), и наказуемость могут быть определены только УК РФ. Об этом специально упоминает ч. 1 ст. 3 УК РФ. Таким образом, состав преступного деяния может быть предусмотрен только законом, а в Российской Федерации таким законом является единственный нормативный акт – Уголовный кодекс РФ. Предмет любого преступления должен быть четко определен уголовным законодательством также входящим в исключительную компетенцию Российской Федерации (п. «о» ст. 71 Конституции РФ). С учетом данных правил аксиоматично, что лицо не может быть привлечено к уголовной ответственности со ссылкой на закон, принятый субъектом РФ, так или иначе

² Кашанина Т. В. Юридическая техника: учеб. / Т. В. Кашанина. 2-е изд., пересмотр. М., 2011. С. 157.

³ Конституционное право России. Учебный курс: учеб. пособие: в 2 т. / С. А. Авакян. 5-е изд., перераб. и доп. М., 2014. С. 127.

уточняющий предмет того или иного преступления. Соответственно, и предмет такого экологического преступления, как незаконная рубка зеленых насаждений не мог быть, с позиций специального (ст. 3 УК РФ) принципа законности, установлен законодательством субъекта Российской Федерации. Вот почему, как представляется, и привлечение к уголовной ответственности гражданина К., и назначенное ему наказание являются невозможными, а поскольку они фактически имели место, по своей сути, являются незаконными. Это третий сущностный вывод нашего анализа.

Наконец, описанный нами случай является определенным поводом обратиться к такому наиважнейшему принципу гражданско-правового регулирования, как принцип неприкосновенности собственности. В понимании данного основного начала гражданского законодательства возможно обнаружить целый ряд «оттенков» или важных содержательных его элементов. Цивилисты, размышляя над содержанием принципа неприкосновенности собственности, говорят о неприкосновенности имущества собственника в части отсутствия доступа кого-либо к этому имуществу. Неприкосновенность понимается как отсутствие возможности реализации собственником его правомочий. Наконец, с позиции Конституции РФ неприкосновенно должны быть само право собственности⁴.

Действительно, право собственности – это абсолютное гражданское право. По своей сути оно обеспечивает связь субъекта с объектом (индивидуально-определенной вещью) посредством определенных правомочий. Данное право формирует определенный статус субъекта в гражданских правоотношениях⁵. Право собственности осуществляется обладателями по своему усмотрению и не зависит от других лиц. И в данном случае бесплодны теоретические рассуждения о том, «всякий и каждый

обязан не нарушать право собственности (то есть это обязанность) или в данном случае действует императивно некий запрет»⁶. Для права собственности определяющей должна быть свобода действий и независимость. Свободу и независимость собственнику призвано обеспечить действующее гражданско-правовое регулирование. Вот этот момент с необходимостью должен включаться в содержание гражданско-правового принципа неприкосновенности собственности.

А. И. Василянская в системе элементов, через призму которых следует рассматривать принцип неприкосновенности собственности, выделила «невмешательство кого бы то ни было в осуществление права частной собственности»⁷. С этим тезисом невозможно не согласиться, поскольку невмешательство как раз и обеспечивает собственнику необходимую свободу действия. Однако в этот элемент возможно внести уточнение, указав, что в первую очередь должен предполагаться запрет на вмешательство государства, в том числе посредством ненадлежащего и некачественного правового регулирования осуществления права собственности. В описанном нами примере законодатель субъекта Российской Федерации посредством принятой нормы за пределами своей компетенции и с нарушением правил юридической техники фактически вмешался в осуществление права частной собственности на земельный участок, тем самым нарушив наиважнейший гражданско-правовой принцип – принцип неприкосновенности собственности. Вот так сама жизнь, практика имущественных отношений позволяет цивилистической науке уточнять содержание основных начал гражданского законодательства. Одновременно научный анализ позволяет более глубоко и всесторонне оценить фактическое положение дел в каждом конкретном случае, требующем надлежащей правовой оценки⁸.

⁴ Рыженков А. Я. Неприкосновенность собственности как принцип гражданского права // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5. Юриспруденция. 2013. № 1 (18). URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/neprikosnovennost-sobstvennosti-kak-printsip-grazhdanskogo-prava> (дата обращения: 28.03.2018г.).

⁵ Сеницын С.А. Общее учение об абсолютных и относительных субъективных гражданских правах: автореф. дис д-ра юрид. наук. М., 2017. С. 19.

⁶ Скловский К. И. Собственность в гражданском праве. М., 2010. С. 75.

⁷ Василянская А. И. Неприкосновенность частной собственности: понятие, содержание, пределы // Юрист ВУЗа. 2010. № 12. URL: <https://lawforyou.ru/articles/89-publikatsii/77-article-1> (дата обращения: 28.03.2018 г.).

⁸ Впоследствии стало известно, что уголовное дело в отношении гражданина К. было прекращено, а приговор отменен за отсутствием состава преступления. Во многом такому повороту дел способствовало обращение гражданина К. с жалобой в Конституционный суд Российской Федерации. Конституционный суд РФ в связи с прекращением уголовного дела производство по жалобе прекратил. В отсутствие официальной аргументации Конституционного суда РФ, высказанной по данному делу, автору представилось важным дать его анализ с позиций правовой науки.